

В «ГУДКОВСКОМ КУПЕ»

Сергей БАЛАШОВ:

«Наполнить слова смыслом»

Имя Сергея Балашова многое говорит тем, кто любит и ценит художественное слово. Прекрасного чтеца, создавшего свой неповторимый театр одного актера, можно нередко услышать по радио, в грамзаписи.

С народным артистом РСФСР Сергеем Михайловичем Балашовым беседует журналист А. Александров.

— Сергей Михайлович, начать наш разговор хотелось бы вот с чего. В своей книге «180 дней в огне сражений. Из записок командарма 62» Маршал Советского Союза В. И. Чуйков упоминает и о танке «Т-34» с бортовой надписью «Сергей Балашов», который вы подарили Красной Армии. Этот патристический поступок был продолжением славных починов колхозного пчеловода Феррары Головатого, купившего боевой самолет для истребительной авиации, художников Кукрыниксов, поэта Самуила Маршака и многих других. В годы Великой Отечественной войны вы провели более тысячи выступлений в частях действующей армии. Вам приходилось встречаться со многими бойцами и командирами. Расскажите о самом памятном из фронтовых знакомств.

— Вспоминаю сейчас ноябрь сорок первого года. В ту пору я в составе бригады артистов прибыл под Наро-Фоминск, в московскую Пролетарскую дивизию, которой командовал полковник Люзиков. Там-то и познакомился я с комиссаром дивизии Мешковым. Встреча с этим человеком осталась в памяти на все прошедшие годы.

Нашу группу артистов пригласили в дом. Жарко натопленная печка-«буржуйка». Бурлит вода в котелке с картошкой. На столе куски нарезанной селедки. Кружки с «наркомовскими» ста граммами. Когда все расселись, комиссар попросил слова. Он поблагодарил нас за выступления перед бойцами, а затем сказал о том, что хочет, когда войдут

в поверженную фашистскую Германию, прикоснуться рукой к надгробию Иоганна Себастьяна Баха, услышать орган, на котором играл композитор. Мечтает после войны пойти в Московскую консерваторию и вновь услышать Чайковского, Листа, Бетховена...

Мы, помню, были потрясены. Посудите сами: враг под Москвой, а Мешков думает о том, что кажется фантастической сказкой. И тогда я понял, что именно таким должен быть комиссар, коммунист.

— Вам в своей жизни и переживать, наверное, пришлось немало, и пережитого хватило через край. Сейчас у нас проявился свежий взгляд на прошлое. Оно не столь тихо и благостно, как еще сравнительно недавно приходилось читать и слышать с различных трибун...

— Я был хорошо знаком со скульптором Сергеем Дмитриевичем Меркуровым. Сейчас мало кому памятно это имя. Он известен как автор многих монументов «вождя всех народов». Помню, сказал ему, что хотел бы побывать у него в мастерской и посмотреть, что он делает, как говоритесь, «для души». Он прошептал еле слышно: «Сергея, я для себя уже давно не работаю». Во дворе Третьяковской галереи стоял в то время памятник Сталину работы Меркурова. Был он сделан из красного гранита. Я обратил внимание Сергея Дмитриевича на цвет материала, он был похож на застывшую кровь. Ужас изобразился на лице скульптора. Оглянувшись, он проговорил сквозь зубы: «Никому, слышишь, никому не говори об этом. Ведь и я не заметил этого. Прощу тебя, молчи!». Кому и зачем было что-либо говорить? Я молчал.

— Да, в каждое время есть место и порядочности, и, к сожалению, трусости. Сложное было время, и нельзя, думаю, однозначно подходить к нему...

— В 1936 году я видел выступление в ту пору изве-

стного московского артиста Орнальдо. Его психологические опыты со зрителями проходили с аншлагом. Взглядом, движением руки он ввергал каждого желающего в гипнотический сон, заставлял пробуждаться, делать какие-либо движения. В ту пору многие рассказывали случаи, происшедший с артистом. Глубокой ночью в гостиничный номер артиста требовательно постучали. Орнальдо открыл. На пороге стоял администратор гостиницы и один из работников цирка, где только что прошло выступление. Оказалось, во время психологического сеанса за кулисами пожарный, увлекшись представлением, незаметно для себя под влиянием гипноза крепко заснул. И вот администрация цирка очень просит артиста, несмотря на позднее время, приехать и разбудить этого человека. Вероятно, для Орнальдо подобное не было неожиданностью. Он быстро собрался и вышел. Подойдя к пожарному, он положил руку ему на голову и произнес: «Вы хорошо отдохнули, проснитесь...».

И вот еще что. В течение долгого времени я не мог видеть, слепота закрывала мои оба глаза, и лишь недавняя хирургическая операция вернула мне зрение. К чему я говорил об Орнальдо и вспоминал собственный недавний недуг? Это имеет прямое отношение к вашему вопросу. Сталинизм — это общий психоз, массовый гипноз. И те, кто до сих пор не проснулся, находятся в состоянии очень опасного гипнотического сна. Опасно, когда спит пожарный, плохо, когда спит человек. Но как же опасны сон, слепота общества! Пора, давно пора проснуться.

Увы, благоденствуют и продолжают занимать разные высокие посты, в том числе и в культуре, «дети» брежневского времени. Им выгодны и сон, и слепота наши.

— Сергей Михайлович, ваше актерское дарование из-

вестно не только у нас стране, но и за рубежом. Два болгарских города — Пловдив и Русе — присвоили вам звание почетного гражданина. В Чехословакии вы были удостоены четырех Золотых венков — высшая награда за исполнительское искусство. Поделитесь, пожалуйста, секретами своей работы.

— Если мы говорим о классическом произведении, то здесь прежде всего надо знать эпоху, в которую оно создавалось. У Гоголя — своя эпоха. У Достоевского — другая. Но они — и наши современники! Задача состоит в том, чтобы слушатель почувствовал все то, что почувствовал сам исполнитель, чтобы сидящий в зале пережил вместе со мной произведение.

— После одного из наших чтений Малковского сестра поэта Людмила Владимировна писала: «Я несколько раз слушала композиции С. М. Балашова, и временами казалось, будто выступает сам поэт...».

— Да, судьба подарила мне, как артисту, множество интересных встреч, из которых особенно памятна с Маяковским. Однако не только с творчеством глашатая революции связала меня профессия чтеца. Были композиции «Туркисб» (1931 г.), «ЧТЗ» (Челябинский тракторный завод), горьковский «Давко», рассказы Салтыкова-Щедрина, пушкинский «Медный всадник», «Гамлет» Шекспира, «Слово о полку Игореве».

— До сих пор помню ваше выступление: «Черный человек» Сергея Есенина. Это невозможно забыть...

— Да, Есенин... В школе его, как и многих других, «проходят». «Черный человек» преподносится как покаяние поэта перед читателем. Но ведь это неверно! В поэме два, я подчеркиваю, два человека: сам поэт и другой человек — друг Есенина, позже предавший его. Если вы внимательно прочтете текст произведения, то без труда в этом убедитесь и сами. «Черный человек» — это о предательстве...

Нельзя просто произносить слова, нужно в каждое вдохнуть его значение, наполнить смыслом. Это было важно всегда и особенно важно сегодня, когда многим словам возвращается их истинное содержание.